

— Хотя мои родители и братья — простые крестьяне, у них и в мыслях не было творить зло. Даже зубы с языком, что так дружны, порой прикусывают друг друга, что уж говорить о людях. В семье мелкие ссоры и перепалки — дело обычное. Ваше превосходительство, вы обременены государственными делами, а мы побеспокоили вас такими житейскими пустяками. Мне искренне стыдно, умоляю простить их за беспокойство и, с учётом невежества и первого проступка, отпустить на этот раз. — Лу Чаньюань, как и положено учёному человеку, выдал весь набор готовых фраз.

Именно такой поворот событий заставил Цзи Жаня едва заметно поморщиться. Он понял, что дело сегодня может пойти наперекосяк. Как бы не оказаться, что деньги потрачены зря, а эти двое всё замнут. Если так выйдет, семья Лу потом станет и вовсе наглой.

— И это ты, четвёртый брат, учёный муж? Как же ты не отличаешь правды от кривды? — усмехнулся Цзи Жань. — Они уже устроили погром и грабёж, а ты говоришь — пустяки? Значит, только убийство с поджогом считать злодеянием? У тебя что, понятия совсем кривые? Твой наставник в курсе?

От этих слов лицо Лу Чаньюана слегка изменилось, но он не потерял самообладания. Стало ясно: самый опасный в семье Лу — именно этот четвёртый. Молод годами, но хладнокровием и выдержкой не уступит взрослому, а его ум и расчётливость и вовсе вне возраста. Не зря он — надежда и сокровище семьи Лу, на то есть причины.

— Невестка, — обернулся Лу Чаньюань к Цзи Жаню и сложил руки в почтительном приветствии. — В этом деле наша семья перед тобой виновата. Приношу извинения от их имени и заверяю: подобное больше не повторится. Умоляю, прояви великодушие и прости их в этот раз, хорошо?

Цзи Жаня передёрнуло от этого постоянного «невестка». — Будь это дело не на суде, я бы, пожалуй, и пошёл тебе навстречу. Но сейчас ты не тому человеку кланяешься. Нынче всё решает уездный начальник.

Намёк Цзи Жаня был прозрачен: уездный начальник уже получил свою долю, так что при нём дело просто так не замнёшь. Однако Тао Юань подхватил нить и принялся уговаривать и заступаться перед начальником, лстя и упрашивая. Тот, в конце концов, устав от назойливости, махнул рукой: тюрьмы не будет, кроме беременной Лэн Сянлянь и истца Цзи Жаня, всем остальным — по двадцать палок. На том и порешили.

Хотя такое наказание и не вполне удовлетворило, совсем уж плохим его не назовёшь. Двадцать палок — достаточно, чтобы спина раскрылась до мяса. Что до тюрьмы — одну ночь они там уже отсидели, не зря старались. Конечно, во время экзекуции Лу Чаньюань пытался упрямить Тао Юана, чтобы тот уговорил стражников махать усердно, но бить полегче. Однако стража, получившая взятку от Цзи Жаня да к тому же из-за пампушек с ним на короткой ноге, лишь делала вид, что соглашается, а на деле лупила что есть мочи. Так что злость Цзи Жаня в какой-то мере была отомщена.

Выйдя из уездной управы, Цзи Жань не стал задерживаться в городе, рано освободил комнату в постоялом дворе и собрался назад. Не успел он выйти за городские ворота, как наткнулся на Лу Чжэня.

Честно говоря, не видясь несколько дней, он на мгновение остолбенел, прежде чем сообразил, кто перед ним.

Они стояли по разные стороны толпы, глядя друг на друга. Лу Чжэнь едва тронул уголки губ,

затем в миг очутился перед Цзи Жанем. Его взгляд был тёмный, а между слегка сведённых бровей застыли вина и боль.

— Цзи-гэр, — какое-то время Лу Чжэнь смотрел на него, потом поднял руку и коснулся его щеки. — Я пришёл, чтобы забрать тебя домой.

Цзи Жань слегка отвернулся, уклонившись от прикосновения. Хотя знал, что другие ничего не видят, на людях всё равно было неловко. Да и мужчине, чтобы его по щеке гладили, словно женщину, — как-то странно.

— Я всё слышал, — Лу Чжэнь ничуть не расстроился и не обиделся на движение Цзи Жана. Нельзя трогать — и не надо, можно же просто смотреть. — Пока меня не было, тебе пришлось несладко.

— Да ничего, — пожал плечами Цзи Жань, обошел Лу Чжэня и пошёл дальше. Тот развернулся и пошёл рядом. — Я всё-таки мужчина, разве дал бы себя в обиду? Не волнуйся, они тоже не сахар съели.

Лу Чжэнь кивнул. Он уже от деревенских в общих чертах всё узнал, иначе бы сюда не пришёл. Но даже так сердце его болело за Цзи Жана, а внутри полыхало негодованием. Взять да оклеветать его человека! Этот счёт ещё не закрыт!

— Кстати, сегодня в суде я видел Лу Чаньюаня. Не думал, что у него связи с шурином уездного начальника. А то я было планировал всю эту семейку на несколько дней в тюрьму упечь, чтобы поумнели, — сказал Цзи Жань. Ему, на самом деле, куда любопытнее было, куда Лу Чжэнь пропадал все эти дни. Но слова застряли на языке, так и не вырвавшись. Если бы можно было рассказать, Лу Чжэнь сам бы давно всё сказал. Не сказал — значит, нельзя. Да и что толку, если между ними пропасть жизни и смерти? Раньше он так и думал, потому не спрашивал. И сейчас подумал — и невольно вздохнул.

Услышав вздох, Лу Чжэнь тут же повернул к нему голову.

— Я... — Цзи Жань опешил от такого внимательного взгляда. — Ничего, просто так вздохнул, от нечего делать.

— Хочешь что-то спросить — спрашивай, — понимающе взглянул на него Лу Чжэнь.

Цзи Жань тут же выпучил глаза. — Раз можно спрашивать, то чего ж ты сам не расскажешь? Ждёшь, когда я спрошу? Что за дурная привычка?

— Ну так спросишь? — усмехнулся Лу Чжэнь.

— Спрошу! — рявкнул Цзи Жань и тут же спохватился — вокруг же люди! Засуетился, огляделся. И точно — все смотрят на него, как на ненормального, и стороной обходят. Он смущённо хмыкнул и понизил голос:

— Где ты был все эти дни? Что ж, любопытство победило рассудок, и под настойчивым взглядом он не удержался и спросил.

Это Лу Чжэнь предложил спрашивать, но, когда Цзи Жань задал вопрос, тот замолчал.

Эй, братец, говори же! Молчишь — это ещё что за штука?

Цзи Жань склонил голову набок, глазами подгоняя Лу Чжэня. Он совсем не понимал, почему тот вдруг стал нем, как рыба. Не ты ли просил спрашивать? Спросили — и молчок. Не иначе, дурачишь меня!

Прошло довольно времени, а реакции ноль. Цзи Жаню стало обидно. Так и есть, просто морочит голову! Хочешь говорить — говори, не хочешь — и не надо!

Неудовольствие отразилось у него на лице.

— Я искал кое-что, — бросил взгляд на его лицо и наконец заговорил Лу Чжэнь. — Я не хотел от тебя скрывать, просто не знал, как начать, поэтому...

— Не знал, как начать, а просил спрашивать? — огрызнулся Цзи Жань.

— Я видел, ты всё хочешь спросить, думал, о другом, — поспешил сказать Лу Чжэнь, видя, что тот вот-вот взорвётся. — Ладно, ладно, не кипятись. Вообще-то, рассказать можно. Я всё это время искал Камень возвращения к жизни.

— Чего? — Цзи Жань усомнился, правильно ли расслышал или понял. — Какой камень?

— Камень возвращения к жизни, — на этот раз Лу Чжэнь ответил чётко.

Цзи Жань так и застыл, машинально остановившись и уставившись на Лу Чжэня широко раскрытыми глазами. — Камень возвращения к жизни? Это... в прямом смысле?

Лу Чжэнь кивнул.

Реакцией Цзи Жэня стало то, что он вдруг изо всех сил ущипнул себя за руку, от боли аж присвистнув.

— Ты чего это себя щиплешь? — Лу Чжэнь тут же схватил его за руку, принялся тереть покрасневшее место. — Никогда не видел, чтобы кто-то так себя щипал.

— Эх... — Цзи Жань выдернул руку и пошёл дальше. — Проверил, не сплю ли я.

Лу Чжэнь шёл рядом, смотря на него сбоку. Чем больше смотрел, тем больше нравилось. Не удержался, положил ладонь ему на макушку и хорошенько потёр.

— Эй, ты чего? — Цзи Жань уклонился, глянув на него сердито. — Я серьёзно! Камень возвращения к жизни — звучит как что-то мифическое. Если бы такая штука и была на свете, разве тебе бы досталась? Люди бы уже дрались за неё насмерть — ведь никто не хочет умирать.

— Для других он особой ценности не имеет, — ответил Лу Чжэнь. — Это долгая история, как-нибудь подробно расскажу.

О-о... Значит, пока разговор окончен. Обычно за фразой «это долгая история» скрывается какая-нибудь тайна.